

An aerial photograph of a rugged coastline. The top half of the image shows deep blue, textured ocean water. The bottom half shows dark brown, jagged rocks with white foam from waves crashing against them. The overall mood is dramatic and natural.

LERYSOL

DREAMS

A NOVEL

Lerysol Dreams

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435499

ISBN 9785005017307

Аннотация

Капля теплой энергии меняет окружение...Рекомендовано читать исключительно перед взлетом за чашечкой эспрессо.То, о чем пойдет речь, собранной из цветочных миниатюр эмоций, возможно покажется банальным, но переживая каждую секунду вместе с автором, внутри станет чуть теплее, особенно перед важным для себя путешествием. Прикоснитесь перед взлетом, в минуты ожидания перед новым, улыбнитесь...

Содержание

Первое отделение.	6
Девочки...	6
Порядок, кар-р-р, кар-р-р...	8
Потому что шкаф...	11
Javier and Taylor	13
Эффект суеты	16
Ревность погружаем в родное...	18
Первое свидание, ласковое	20
Второе отделение.	22
Тик-так, тик-так...	22
Другой мир	24
Я счастливой хочу...	26
Отвратительно	29
С тысячной попытки тебе повезло...	31
Ну нет...	33
Не выпалась	36
Бесконечность	37
А чем она больна?	38
Летиссия	40
Притяжение бокалов	42
Обворожительная Меланья	45
VIP	48
Необыкновенная	51

Кандидат, не оплошай	54
Чердак пятиэтажечки	56
Женится?	58
Дистанционно поцелуй	61
Foot champion	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Dreams

Lerysol

© Lerysol, 2019

ISBN 978-5-0050-1730-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первое отделение. «Реверансы»

Девочки...

*Говорят, что в одиннадцатом
был отличный урожай*

Чуть прикоснется возраст к девочкам, становятся прекрасны и самостоятельны, только если что-то напугает их, когда они будут чрезмерно любопытны, тогда они бегут и прячутся, а так? А так они умеют и хотят развлекаться самостоятельно, петь песни, галдеть, не умолкая, напоминая весенний щебет пташек, бросаться всякой ерундой, капризничать, конечно, плакать. И снова очень, очень, очень много смеяться, даря тепло. Желание смеяться нам закладывается с детства. Одно из десятка прекрасных ощущений от энергетики, растекающейся у вас по крови, наблюдая, а если еще и присоединяясь к искренне хохочущему от души ребенку, капельки счастья просыпаются. Или вспомните ощущения, когда погружались в обаяние улыбчивой и открытой девушки, – необыкновенно. Что же делать? Чтобы было весело и хорошо, празднично, волшебное? Скучать, грустить, тос-

ковать, вспоминать, развеивать, проветривать, вздыхать, жалеть и зачем-то снова думать, думать, думать, а потом с разбегу с головой в праздник, ощущая, что есть совсем рядом, надежно, тепло, уютно. Но время, коварное время, когда хочется, хочется, но нельзя, нельзя проводить до бесконечности: нет, есть минута, две, три, час, а потом – пока, пока, пока, до завтра, увидимся через год. И ожидание: позвонит? Будет? Поздравит? В этом вся прелесть соскученности, что трепет вызывает каждая минутка, когда любят и носят на руках. Но это всё про отношения, а в жизни, когда тикают часы, вещая о скором наступлении дня рождения, что происходит тогда? Всё замирает, радость, счастье рассыпью из глаз. Желание собрать всех родных, подружек, близких людей и веселиться, веселиться до умопомрачения, пока все ботиночки не будут стоптаны, пока внутри всё не устанет, пока шутится, и шутки новы, и это весело, пока не откроется с восхищением последний подарок, пока не склонит усталость. До усталости еще далеко, надо вспомнить, как это может быть, как было, несомненно, в этот раз, будет еще в разы... А может быть? Посмотрим. Снова смех, улыбки, желание творить. Желание и действия такие одинаковые и такие разные...

Порядок, кар-р-р, кар-р-р...

Тысячи каркающих мыслей, летающих, суесящихся, вносящих хаос, отдающих безумные приказы, противоречащие логике и иногда разумности.

Так, повелеваю всем тараканам расставиться в шахматном порядке на полочке по росту, по возрасту, по значимости... Тараканы мысли всегда послушные, они такие: по первому зову рассудка исполняют волю, засуетились, пытаюсь, как бы пытаюсь... Заставьте их маршировать под вашу мелодию. Маршируют? Умнички.

Вы правда думаете, что это возможно? Вы правда собираетесь бороться с соблазном прикоснуться рецепторами губ к пирожному трубочкой со сливочным кремом? Когда вам за восемьдесят, и много пережили, и миллионы видели, и умудрены опытом, и вдогонку строгий правильный врач настрого нашептывает запреты, а диабет шепчет еще строже и скалится, грозит стальной косой. Позвольте ощущению счастья от обладания, всё ровно так, как в детстве, выбросить волшебство ощущений в корзину с мусором? Безусловно? Низкий поклон послушности вашей.

Очнитесь: порядка нет, есть оболочка правил, но там за внешней строгостью, взрослостью, начитанностью, знаниями, именно под этим внешним панцирем, сидит тот самый скромнейший растерянный мальчишка с веснушками

и зажмурился в момент, накажут или пронесет? Или именно она, маленькая девочка, только вернувшаяся с родителями из цирка, счастливая, безумно ей хорошо внутри в моменте, спрятавшаяся в ванной комнате, разукрашивает свое личико маминой помадой, бедняжка, еле удерживает равновесие на высоченных маминых любимых каблуках, и мысли, мысли: и она там была, а Петя на нее посмотрел...

Пробовали найти точку на Земле, где не так?

А с возрастом всё сложнее, одеты в правила костюмов, условностей вечерних платьев, всё без изменений, только гораздо скрытнее, глубже под масками, но по сути всё так же...

Если позволить себе роскошь поверить строкам Кафка, Паланика, Бегбедера.

О каком порядке идет речь? Наберите поглубже в легкие воздуха, на недельку-две... И с головой в глубину истории в книгах, до тошноты напитаться прошлым опытом. Утонув, погрузившись на самое дно пыльных страниц на полках, где обволокут словами, слогами, предложениями своими Шопенгауэр, Сократ, Аристотель, Макиавелли... В самую трясиину истории механизма принятия решений – от ремесленника до вельможи, от торговца в лавке до чиновника на службе.

Порядок? Всё по полочкам? Конечно, как без него?

Интересный факт, установленный швейцарскими учеными, исследовав сотни трудов признанных ораторов, писателей, политиков, журналистов и даже тех, кто нашел вре-

мя для написания книги просто о себе, управляя странами и о событиях вокруг за несколько веков до... Делая поправку на творческую составляющую...

Признали, что по сути мир вокруг не изменился!!! Нет, бесспорно, изменился – невероятной скоростью, быстротой встреч и расставаний, количеством загружаемой и перерабатываемой информации, достижениями, благами обслуживающими...

Но сам человек в своих желаниях, поступках, мнениях, ключевых особенностях остался абсолютно прежним...

Потому что шкаф...

*Говорят, что в одиннадцатом
был отличный урожай*

Игра – это как легальный наркотик... Мы принимаем его как лекарство, незаметно для нас, через общение, взгляды, улыбки, одинаковые шутки, прикосновение... Мысли схожие и родные, поступки, трогающие струнки, одинаково неадекватные взгляды на жизнь, бесценные глаза с поволокой, ореховую попу, смешные ноги, руки с венами от силы внутри, гриву волос, в нужную секунду объятия, способность говорить тогда, когда вам невыносимо плохо...

Замечательно, если впрыгнули вместе и продолжаете его принимать, одновременно и ценя его действие по отношению к вам... Эффект потрясающий, но... Как и любой туман, имеющий свойство рассеиваться или требующий новую дозу эмоций, возможно, переходящий в шадящий режим... Легкий драйв... Лучше для сердца, когда не до... Чем перенасыщение... Срок его воздействия? В наших умах всю жизнь, но правда такова, что он модифицируется и превращается во что-то универсальное – родное, ваш кусочек, частичка вас...

Другая игра – мы ведь играем, постоянно играем в смешанные игры... Отдаваясь с душой, со всеми созданными

и воспитанными убеждениями, тысячами мыслей, переливающихся из одного сосуда в другой, с отсутствием постоянства, дурацкой противоположностью от мыслей к осуществленным в реальности поступкам... Как два человека, с жесткими интересами по жизни и отстаивающие права на свою свободу, могут быть вместе? Думать? Это не наше, берем ответ с полки. Просто никак, это два отталкивающихся магнита, пока один из магнитов не поменяет полярность и не прижмется с тройной силой потому, что так давно ждал этой минуты, всё прошлое сопротивление пойдет во благо...

Может, стоит начинать с нуля? С самого начала, с самой дольки мандаринки? Отбрасывая все условности? Легко сказать, на практике всё не так просто... Вертим, вертим: я сегодня хороший... А завтра ты... И так по чуть-чуть, шаг за шагом... Но завтра мы знаем, что все наши договоренности осмелеют и пошлют куда подальше обещанное... Так комфортнее, потому что шкаф...

Javier and Taylor

Голос, словно пришедший из детских страхов, вкрадывающийся, ласково странный, сторонний, обволакивает весь домик целиком со всеми страхами внутри маленького сердечка.

«Действуй», – нашептывает, вживляет капсулу хорошей жизни, зависти, равнодушия, двужначности, настойчивей стучится ближе к четырем годам, гораздо позже к тем, кто не подвержен общим детским садикам, кто погружен в собственные миры книг, страницы сказок, фантазий о добре и зле: они не приспособлены, они дефективны, они не привыкли к цирку, они верят в сошедшие из строк истории. Рассеянность, так больно из-за чужой погибшей кошки, но позвали на улицу, а там салют веселья, там улыбки, там счастье. Забыто горе минутное назад. Каждый ищет себе схожую/похожего, но для счастья, для рождения улыбки внутри, тяжело и нудно постоянно доставать по заказу счастье, а так хочется, чтобы умел/умела. Подсмотрел новое, одни коварны и предательски обольстительны, по сути... Другие слепы, грубоваты и безумны, топчут резко... Друг другу помогают выжить, выручают, иногда спасают. Не ценится, без стеснений разоряют, переходя к следующему персонажу. Внушая, заставляя, обозначая достижения. Пряча боль свою за хайповыми достижениями. Тише, тише, вдумайтесь, никакой от-

ветственности. Диктуют фразами необдуманно, пойманными на лету от уважаемых мнений, как они должны выглядеть, как ухаживать за собой. Те, кто соблазнился на ласковые слова сирен, утонули, приобрели облик ранимо-слабых, завлекая без разбора полов в свои сети разных по сути, но сменивших ориентацию, принципы. Кто-то, потеряв веру и потакание свои прихотям, привычкам, капризам, завел животных, жонглируя выбором от кошек до гиппопотамов, за безмолвность лишнюю, за понимание без слов, за ласковость животную, за ветчину из тубика, за иллюзорную преданность и возможность всегда под рукой, словно детская любимая игрушка... Пряча боль за хайповыми приобретениями. Кто-то создает себе подобных, разрушая главный союз, надеясь найти себя во взращиваемом, перенося себя всю в воспитание, отдавая от и до, надеясь на благодарность, фантазируя об отдаче, возможно, но мы-то знаем...

Вторично. Возможно, так учит история, когда живые переживут масштабное общее горе, они осознают и возвращаются к началу, неправильно быть самим по себе. Видимо, так устроены шестеренки внутри. Для скрепления необходимы общие цели, взаимные пройденные трудности и препятствия, горе, радость разделенная от достижений. Так важно успеть накопить рюкзак с ключевыми событиями, чтобы держали в объятиях, как стальные канаты от глупости. Совместные переживания и слёзы, а не когда каждый сам по себе, или он, или она, вместе. Те минуты предательские, ко-

гда всё нутро зудит, просится о соблазне, руки, ноги, глаза, губы уже направляются к чужому яркому, сработает самый главный предохранитель, потушит, выльет из ведра ледяную влагу, остудит дурную голову, остановит на краю, но не дав упасть для самого себя унизительно грязно. Воспитание? Ерунда, принципы, вложенные увиденным, прочитанным, пережитым. Больно пережитым, когда ветренность, напоминает о незаживших кровотокающих, вовремя останавливает, возвращает на правильный...

Эффект суеты

Надежда наступления определенного события, поступка, слов от ..., ожидания особенных удовольствий, получения эффекта – наивысшего удовлетворения от произошедшего.

Предвкушение – очень эмоциональный посыл, который позволяет строить планы, сцеплять детали, выстраивать цели на действия, встречи, беседы, прикосновения, влиться в процесс, дополняя жизненный путь собственными яркими красками или новыми ветвями, позволяющими поднимать вас в ощущениях к облакам.

Ожидание – гонимые мысли, ртутное время, подсчеты, отсчеты, волнения, нетерпение, стаи черных ворон, мысли, тревоги, бурлящий волнительный гейзер внутри.

Суета прокрадывается, окружающая обстановка давит, ограничивают поступление здорового воздуха, руки сами наливают, зажигалка произносит знакомый звук, дым заполняет легкие, ценность прошедших достижений обретает нулевую отметку, всё ради вершины, предстоящей впереди. Всё по-другому сейчас, несравнимо с тем, как было неделю, день, семь часов тому назад, как только известили о точной дате, времени, пошел внутренний отсчет...

Убаюкивающая лень: организм откатывает дисциплину назад, предлагает ему вредные теперь затяжные развлечения, всё для ускорения ожидания, траты песчинок времени,

речь прекращает быть связной, образуются провалы в волевых решениях, наступает эра шоколадных благотворительных часов, дней, недель, месяцев, лет, жизни... Где ожидания уже властвуют внутри, где железной воле и неуступчивости приходят на смену другие стражи: не стоит ссориться, отпустим, пусть будет так, как просят, позволяем захватить всё, что с таким трудом добыто...

Все те, кто почуял запах слабой добычи, бросился на пир, впиваясь гнилыми зубами в живую внутреннюю плоть, растаскивая по темным закоулкам оторванные достижения...

Весь смысл, не погружаясь в призрачное далеко, не окунаясь в космос иллюзий, а здесь и сейчас, – помнить, кто вы есть, как добились, через что прошли, ценой какой досталось, сколько дней, месяцев, лет вытаскивали из камня... до последней секунды, до завершающей минуты, капля за каплей отнимающих время жизни, помнить и охранять свой внутренний замок, а внешние ветры – они хаотичные бабочки, прилетают, согреваются на минуту-две... Миг – и снова улетают, не позволяя обладать ими, даря вам понимание ценности, каково обладать титановым ядром внутри вас, притягивающим, присоединяющим всё то и тех, кто обладает нужным полюсом, но не позволив разрушить...

Ревность погружаем в родное...

Ревность... Откуда она? Кто пробуждает ее? Зачем она звучит? Ведь все знают: когда спокойно, она лишнее, она тянет к пропасти, она нагло отнимает энергию, она – по крупинке разрастающаяся болезнь внутри, проникает незаметно, по чуть-чуть, откуда?

Ребенок, обделенный вниманием, особенно если ребенку изначально представили миллиардную энергию внимания, заботы, восторгов, комплиментов, позволили себе подчиниться маленькому чаду, подарили выкладывать свое недовольство, любое проявление капризов, чувствовать себя, как дома— всё дозволено – хорошо.

Вдруг, возможно не мгновенно, возможно не сразу, а по чуть-чуть, капля за каплей, он начинает отвлекаться на других, и об этом не говорят вслух, это начинает ощущаться в воздухе, не замечаем сами происходящих изменений, просто вспыхнул красный сигнальный огонек внутри, сквозь пальцы начинают струиться мелкими песчинками, неудержимо падая в бездну.

Вот в этом месте всегда стояла чашка кофе и ласковый поцелуй в губы, и искорки в глазах торопящихся на работу, милая забота и тепло, без тысячи слов окутывает внутри, но только не сегодня: сегодня строгое «пока» и мертвая хлопнувшая дверь, это неосознанно, это где-то внутри. Про-

сыпается, тревожит, куда могло подеваться? Хочу, хочу, хочу... Хочу любимые обнимашки... Хочу вернуть, кто посмел отнять любимую игрушку? Кому подарили, не спросив меня? Это же мое – его внимание, он мой, мое, я не отдам, мысли, мысли, надутые щеки, сомкнутые брови, влажные ресницы... И снова мысли, мысли, мысли...

Вспоминайте, какое же лекарство спасало ранее? Кто излечивал от терзаний? Скорее – или проще чаще – те, кто был умудрен жизненным опытом, угощал лаской со сладостями, вниманием, предполагаемой мудростью, понимали без слов происходящее, тактично находили теплые слова, гладили, укладывая спать, убаюкивали нежностями черный занавес, отключающий разум, растворяли железные доводы, прятали ваши отвратительные ощущения внутри, рождая доверие, сея улыбочивость и сознание твоего родного – бабушки с дедами, им всегда было время поговорить, они видели многое, они не торопились, им всегда было о чем поведать. Есть вероятность попробовать прислушаться к советам матерей, отцов, но помнить, что их также, возможно, еще носит в подростковых эмоциях... и они очень недалеко от вас...

Первое свидание, ласковое

Утро сонное, томное, солнечное утро. Разговоры утренние с неразомкнутыми глазами, губами замедленными, просны явившиеся, утро.

Действия ног, рук, глаз сплетенных, ласкающих, шепчущие слова нежностей, утро.

Минута, две, три после действия, льдинки пота стекающие, из горла прерывистое дыхание, восстанавливаются, утро.

Смех, улыбки коралловые, умиления субботные, снова смех и желания, шепот о завтраке, утро.

Росинки душа проникающие, обнаженные фигуры, ванная, заботливые руки к волосам прикасаются, минуты, эксперименты с контрастами температурными, улыбки, вскрики, прохлада, шерстяное с ворсинками, утро.

Пятки мокрые, следы оставляющие, частично прикрытые полотенцами мягкими, шутки не прекращающиеся, дверцы холодные распахнуты, моцарелла, томаты с хвостиками, соль крупная, грубый черный хлеб, ломтики хамона испанского, вода кристально-свежая, утро.

Чавкаем наигранно, произносим, слушаем радио, входят мелодии, жмуримся лучам солнца, счастливы, щенок, всё любопытно, хвост в разные стороны, балуется, смеемся, запуская руки в шерсть белоснежную, утро.

Чашка кофе, запредельно крепко, чашка чая, вкусы разные, частные запахи, лучи солнца неугомонные, шторы плотные, не спасающие, одурманивает, пахнет зелению, тепло просачивается, пробуждается, утро.

Не торопясь, планируем, время выхода устанавливаем, делимся, рассказываем, краски к событиям добавляем, вспоминаем желания, сотни слов перетекают, тайны и недомолвки, делимся, сыплутся, хорошо, выберемся, если снова не соскучимся, утро ласковое.

Второе отделение.

Девочки

Тик-так, тик-так...

Она давно отказалась от часов, они совсем ей были не нужны. Ее жизнь он наполнил своим ветром, ровно в 9.30 он желал ей доброго утра, будил, добавляя ласковые комплименты. Ровно в 12.30, она чувствовала это время ладошками, у подъезда останавливалось его авто, и счастливые смотрящие вверх его глаза пытались разглядеть в окне ее, и обязательный букетик в его руках. Волшебные крылья появлялись сами собой, выпархивала, обнимая и целуя любимого капитана парусника.

Обедая и непременно делясь свежими и яркими новостями, незаметно проносился обед, размыкая пальцы, в ее ладошке, глазах оставалось его тепло.

Как только невидимые стрелки соприкасались, образуя композицию, указывающую на восемь часов вечера, в дверь раздавался родной стук, и она, не задумываясь, распаивала, впуская вечернюю сказку в их уютный шалаш...

Чуть заглядывая до, терпеливо наблюдал за словами, мыслями, восприятием, благодарностью...

Чуть позже, приняв во внутренний мир ее, ежеминутно цементировалось тепло отношений, создающееся не на словах, жестах, взглядах, поступках, преодолениями, эмоциями, ценности их друг для друга... Показывая, приучая, доказывая ей, что она есть частичка вас, жизненно важная, позволяющая его крови бежать с необходимой скоростью к сердцу, улыбке расцветать на лице благодаря ей, приходило понимание родственности их миров, кирпичик за кирпичиком возводили непреступные стены внешним штормам...

Черный мир фантазий, воплощающийся в реальности, доставляет удовольствия вкусовые от нового блюда, но одновременно проникает в клеточки создателя, растлевая его белую сторону и заряжая эмоциями, и обязательно обильно рассеивает зёрна в душе. Свойства зерен известны, они непременно всходят, порождая новую тьму

Другой мир

В квартире, как всегда, царил мужской беспорядок, запахи дыма, стон разбросанных вещей, грязная убитая посуда в двух необъятных умывальниках и поле битвы из осушенных бутылок. Показалось, в одной из них еще теплилась жизнь, остатки грез внутри, показалось. Игра бликов, скрип от жалости к себе некогда гордого дубового стола, в свое время властно поселившегося среди интерьера, что стало с тобой, как тебя так? Прошлое. Запах тухлого, испорченного, желто-зеленого... Изголодавшееся животное своими оттопыренными костями скелета, стирая ногу, произносило мур-р-рчание. Я точно помнила его имя... Отвыкла к гостям, отвыкла от других иных, уже отбитое и бесполое, без надежды, в конечной последней попытке просило о пище, грамма энергии внутрь. Словно кошмарное сновидение. Подожди, подожди чуть, осторожно, словно среди зараженной среды, ступая, не затронув растяжек, шаг за минуту пробираясь к месту обитания холодного большого друга с провиантом. Повезло, добралась без неожиданностей и грязи прикасаний, правда, никакого расчета, никаких автоматических рефлекторных шагов на подсознании, вру, изучена до миллиметра данная среда, каждый сантиметр, там, глубоко внутри, на жестком диске, если возобновить, и тогда смогу закрытыми глазами, но это в чудовищном прошлом... Зачем

я здесь? Прикосновение, усилие, подалась дверца, зеленый мох царствовал тут со смрадом, доедая остатки объедков, только сейчас донеслись сигналы окончаний кардинала-лампочки, лампочки на нем были мертвы, холод давно покинул этого некогда изобильного гиганта. Прости, что бросила тебя, не забрала тогда с собой, было больно, прости...

Извини и ты, существо, некогда имевшее имя, всё, больше не могу, прочь...

Руки рефлекторно сорвали маску верха костюма виртуальности... Туман. Горло судорожно напитывалось дефицитным кислородом. Дети, родные девочки, мои яркие и нежные, облепили с щебетом: «Мам, ну как, как? Мам-м-мочкин, ну как?» И ты, милый, с любимой чашкой горячего кофе что-то взволнованно за меня шептал и гладил по моим слипшимся волосам, успокаивал. Ребятунки, как же я по вам соскучилась.

Я счастливой хочу...

Абсолютно все хотят быть счастливыми, все ходят, говорят, принимают, дарят затем, чтобы заплакать, засмеяться, замереть, затаить дыхание от волнения изнутри – это и есть счастье. Почувствовав боль, пройти ее вместе, оперевшись на родное плечо, оглянуться на преодоленную пропасть разбитых чашек, лавин выяснений своего я, ураганов эгоистичных вихрей, без этого нет ощущения ценности. Губами выпивая яд, произнесенный эмоциональными словами необдуманно и в порыве в адрес родного, стуча после кулаками в закрытую ледяную дверь, кончиками волос ощущая в ответ тишину. Обоюдные слёзы на одинокой скамейке от разрушенного города, от воя внутри, от глупости сказанного и сотворенного назло, не для результата, а просто показать, какая или какой... Глупые.

Прочь мысли. Пробираясь параллельными тропинками, одинокие, сквозь тусклый осенний лес, поскользываясь, обманиваясь прелестью красоты двуликих желто-красных листьев... Жалея, особенно под вечер, себя, прикладывая подорожник на ссадины, вглядываясь в холодные звезды, пытаюсь получить от них понятный подарок...

Пригубивая бокал за бокалом, разбрасывая лайки, не от души, а от желания внимания извне... Рассчитывая по теории вероятности возможные события, сколачивая при-

зрачную туманную лестницу из собственных циничных мыслей, калькулятора формул...

Отчаявшись, набирая беспорядочно номера в поисках уголков тепла, чувствуя двуликость на том конце, ранее из-за детских глаз не замеченную. Опыт дней, месяцев, лет, встреч, поступков, слов, дает о себе знать, вежливо отклоняя ненужное. Возможно. Абсолютные художники, писатели своей души, выводим картинки по стеклу по-своему. У каждого внутри свой мультфильм, свое произведение, особенное творение.

Миллиарды грустных глаз ищут, изображая безразличие, ждут, надеются на встречу со своим комочком шерсти, нежности, мускулов, теплых рук, бархатных губ, ласковых слов, горячего чая, беспорядочной постели с подушками... Со всем понятого сумасшествия детской души внутри. Одинокие среди осени, высоко подняв руки, держа горшочек с тлеющими искорками внутри, ненадежно освещающими путь, карабкаются, пробираются параллельными тропинками со всех уголков мира.

Абсолютно жалуясь, напиваясь, ломая каблучки, но ручками, глазами, пальчиками ползут сквозь тысячи километров, невзирая на вершины изо льда, пучины царства океанов, коварство необъятных пустынь, холода бескрайней тайги. Шаг за шагом кладя на внутреннюю полочку купленный за стоны, слёзы, улыбки, прикосновения, мысли, раны опыт, свои мысли в моменте, восприятие пространства на наше

движение. Упертые. Словно заведенные, повторяя про себя заученный стишок с детства, подаренный прикосновением бабушкиных рук: «Всё будет хорошо, у тебя получится».

Отвратительно

Как она хотела, чтобы я к ней после относилась? Впервые открыв дверь офиса, предлагая какие-то заморышные товары, разглядела в ней изюминку и предложила попробовать, только освободилась вакансия. Да, не ахти, да, возможно, и не мечта, но всё же лучше, чем в прохудившихся уггах вышагивать под снегом. Ты откуда? Из-под... Конечно, конечно, так и звучит тысячекилометровый говорок с непонятым залипанием гласных букв. Что умеешь? Горят глаза, яркие, приятные, и поток слов, слов, слов, разных и неумелых, о том, что всё умею, и это, и то, и сё, обычное бла-бла-бла, а еще и...

Слова, слова о том, что только возьмите, о том, что исполнителней и преданней мне не найти. Поверила, понимала, что сама дура, но так хотелось помочь, отмыть снаружи и внутри, дурацкая сентиментальность, отчистить, воспитать, обучить, чьи это ошибки? Мои ошибки, мне и разгребать чуть что. «Так, ладно завершай тираду, что балаболка – это я уже поняла, теперь в душ, по коридору и справа дверь, там найдешь чистое полотенце и возьмешь крем с лавандой после. Давай, без лишних слов и вопросов, тебе час на красоту. Потом заглянешь в шоу-рум, спросишь Марину, не забудешь? Скажешь, что от меня, она подберет нижнее и платьишко, и тапочки на каблуках, вперед. Как приведешь

себя, подключайся к Марине, она расскажет. Потом, потом, потом все эти сопли благодарности, бегом))))))»

Б...ь, ей хватило трех часов, что за день? Я никогда не рассматривала события за витриной кабинета, а тут, как внутренний магнит, словно сам потянул мой взор. Полусвежий владелец аналогичного Bentley вежливо усаживал нашу Золушку на переднее сидение своего агрегата, какая пошлость, и суетливо, поскальзываясь, видимо, боясь упустить из сетей, перебирал своими ножками по истоптанному серому снегу к дверце водителя. Мгновение и только легкий дымок напоминал об этом трабле...

Тома, еще кофе, и соедини с Мариной.

Да, Марина, да, да, да, всё понятно, что, даже и «простите» не сказала? Вот с...

С тысячной попытки тебе повезло...

Слеза, соврала я ему чуть-чуть, вороны сети принесли ему дурную весточку, и бесполезно доказывать обратное, ведь титановое сердце подарила я ему. Слова мои объяснения показались ему избиты и не помогли снова. Подружки, черные сообщения – вороны летят полакомиться умершей чистотой, оставляя след за мной. Правда всё?

Удачи, найдем сильнее, крепче и без дурацкого творческого мира внутри, задолбали качели. Найду себе большого, нет, можно небольшого, но чтобы со шрамом на боку и со сломанной переносицей, не скупого и чтобы телевизор с пивом ненавидел или не знал об их существовании. Ладно, пусть знает про телевизор, ведь можно будет так и вечерок зимний скоротать.

Да бред это всё, задолбало пить одной среди чужих, курить одной на скамейке, уже подросла. Прости, прости, просто прости... Что позволила себе. Хочу, чтобы просто без криков обняться, просто сменим краски на спокойные тона внутри нас, оставить боль прошлую в сундуках. Наверное, потом мы ее выпустим, вытравим, сожжем вместе. Мы ведь растем, становимся опытнее и взрослее... Ты же любишь, когда по-детски у меня горят и когда я бегаю без, повиливая прелестями. Б...., просто очнись от сна, это я, это целая я без острых лезвий, просто я. Дурная, дурная и несмышле-

ная с тобой, скучная и смешная одновременно, та, которую не устаешь воспитывать...

Твои поступки на твоей совести, к сожалению, они отнимают, а не прибавляют энергию... Маленькая, с тысячной попытки тебе повезло открыть меня, того скрючившегося внутри, маленького взлохмаченного ребенка, неряху и озорника, стеснительного и любознательного, искреннего и честного, нашла среди перебранных ключей, посетив невероятное количество комнат с жесткими плетями, с комнатой уверенным во всем, особенно в поступках...

Ну нет...

Он молодец, безусловно, породист. Сегодня он всё обустроил, как обычно, торжественно, красиво, с виду очень красиво, во всем присутствовала взрослая мужская четкость. В разгар вечера обязательно будет ждать прекрасный, шедевральный сюрприз, как выдержать? Его глаза будут ждать благодарности, оценить его фантазию. Слова, слова, незначащие слова: «Сохраним красоту, мне очень важно твое мнение при выборе мне вещей». Да, да, да, да... А вот уже и торжество с бокальчиками терпкого вина. Как необычно расцвечено небо, что-то изменится, разорвется этот замкнутый круг. Заученное: «Необычная неделя, необычайно удачный месяц». Неужели он и сам верит в то, что говорит? Пластинка выводила: «Мы прекрасно живем, вкуснее и праздничнее, согласна? Я тоже».

Слова, слова, слова... Подготовим план подготовки к Рождеству, да, да, да, куплю тебе вязаные носки, только замолчи....

Нет, всё как у всех, каждый свою сцену ежедневно изображает, другой из невыносимой вежливости просматривает, хлопает, кивает, чмокает, на что сил и настроения хватает, круговорот, надоело, достало, да, скучаю...

Началось, звонки, хлопанье дверей, званый вечер, знакомые лица, глаза, вежливые улыбки, слова для наполнения

пустоты. Молодой любовник. Любовник тоже тут. Что же ты, несносный, тут делаешь? Какой смешной, нравлюсь, еще влюблен в представления, знает, что я в отношениях, что же он делает, сумасшедший, такой странный. Завтра стоит заглянуть к Зое, пусть почистит мои перышки, но сегодня по-дальше.

Давние знакомые, бокалы, платья, серьги, бледность, улыбки вежливые и тихая беседа, не расслышать, подойду: «Собачка, такая милая, голодная, конечно, без породы, в сердце словно холод пробирался. Сама не своя вбежала. Срочно репостнула. Несчастное животное... И вы знаете, как-то стало на душе теплее от дела доброго, понимаете?»

Нет, прочь, прочь от клиники... Вежливо раскланявшись, отошла. Ни слова не говоря, выбежала прочь, телефон уже родного психолога: «Доброго, у себя? Примешь? Еду». Просто вбежала... Замечательные успокоительные часы, пишет мне очередные розовые капсулы, фоном что-то говорит в своем роскошном кабинете, утонула в подушках, словно пластинка из детства, успокаивает, хорошо, чуть тише, чуть громче. Психолог – она уже почти старшая подруга, от ее слов внутри всегда просыпается спокойствие, давно ее знаю, он не поймет, а новый испугается, так и хожу тайком, потратила на нее Bentley, смешно самой, но... Умеет тревожные мысли уgomонить, чуть тише скрежет внутри от скоростных поездов, диагноз прост: очень больна душою. Интересно, насколько вкрадчивый и теплый голос у обладательни-

цы моих страхов. Всегда сидит спокойная и уверенная, взвешенная, без сомнений внутри, вот такой бы стать, б...., вытравить внутри своих серых голодных тараканов. Верю ей, умница, как усомниться, не зря же она училась пять, потом еще, еще, потратила кучу денег, должны были научить, ответственная, правильная. Вышла, как обычно, окрыленная, вдохнула всё же энергию на пару часов, за столько лет никогда не возвращалась, но именно сегодня... Распахнула дверь: «Совсем забыла спросить, а как поступить с навязчивым, молодым, настойчивым?» Слова зависли ртутью в воздухе... Ненужный переполох, движения в попытках спрятать недопитую бутылку Valvenie, но доверху наполненный бокал предательски выдал хозяйку кабинета, б...

Не выпалась

Запуталась, разбежались, разъехались, разлетелись по своим островам, нет сил обнажились совсем, прости... Сожалея от непонимания для чего, останемся на связи, иностранной ненужной связи, я с тобой. «Прости», – тихо прошепчу, но предательские ноги уже в тысяче шагов от, невыносимо, бар, вздохи, губы одеревенели, прочь, прочь в ночь, к океанам, к солнцу, возможно, там вылечат от землетрясения внутри, найду крохотный островок с тишиной, абсолютной тишиной.

Начну заново, смогу рассказать, писать, произносить спокойное вежливое: «Привет, мальчишка, дурной, родной, несносный мой мальчишка». Всё, всё, всё, оставь мне покой, возьми мои пальцы из сосулук и просто поддержи в своих теплых ладонях, большего не надо, правда не надо...

Пусть в прошлом сумасшедшие прыжки со скал в безудержный океан. Останови, хватит страстных поцелуев, нежных, сладостных, необыкновенных поцелуев, я совсем вычеркнула тебя, правда, ты всё... Ты как-то по-новому. О, на тебе моя любимая рубашка в полоску, тебе по-прежнему она идет без меня, прости...

Бесконечность

Хочу почувствовать вкус сигарет, умру, если не увижу тебя, но так боюсь исчезнуть, испариться, если не вижу тебя, совсем холодно, совсем обледенела. Жалко, жалко, очень жалко себя, так хочется к тебе... Не разочаровывайся во мне, ты знаешь, что я хорошая, родная, близкая, дурная, настоящая. Да, замерзла, да, холодно, да, надоели, но как? Ну что? Ну как? Подскажи, как вернуть назад? Падает снег, коварная снежинка растаяла на ресницах и потекла, разукрашивая обледеневшее лицо, укутаюсь, глубоко, глубоко, укутаюсь в пальтишко, минус тридцать внутри, гораздо холоднее, чем снаружи, поверь, правда не нарочно...

А чем она больна?

Вечер, всплески океана, огонь у открытого камина, вино из заплесневевших погребов, терраса – сложно охватить взором ее границы, обычная, привычная, уставшая от забот и достатка сложившаяся компания. Ночной вечерок, в меру пошлые шутки, наполнен выдержанным цинизмом. Странно, незаметно растаяла романтика, необычно быстро просочилась сквозь пальцы, кажется, совсем недавно была, куда же подевалась? Или ее и не было? Просто была чуть моложе и восхищалась новым представлением? Пойдите, не всё так грустно... Вот новая парочка колибри посетила, и не вникают в происходящее, им прелестно вдвоем, совсем нет дела до окружающих, мило щебечут, не осознавая уготованной роли. Повторяющиеся слова, без эмоций взоры, уставшие, нет искорки внутри.

Ошиблась, новая очаровательная молодая гостья, глупа, не понимает правил действия, кто знает, возможно, доберется до ее цели, читается в глазах, не понимая, что ждет ее там на вершине. Новая вершина, там, к сожалению, еще грязнее, еще натянутее улыбки.

Привезли детишек, жаль, избалованы и нет уважения ни к чему, только развлечения, скороспело повзрослевшие дети, жаль.

Наскучило, одни и те же лица, разговоры с циничной веж-

ливостью, спокойствием и только уголки глаза выдают истину, еще не научились до совершенства, но с каждым годом всё лучше актерская роль.

Было бы забавно пригласить их личных психоаналитиков, а то и не одного на каждого персонажа. Вечер правды, начнет персонаж свою речь, а истинное их зеркало слушает их с мокрыми розгами и, главное, больно: за недосказанность, притворную вежливость, ложь и самое... Не щадят. Не захотят? Конечно, ну что за бред. Улыбнулась своим мыслям, а ведь в первую очередь не захотят белые халаты и вежливое выслушивание, именно они не захотят. Ведь маски вежливости слетят осенней листвой, человек станет тем, кем есть. Растает Гуччи на плечах, останутся лоскуты из серой мешковины.

Слова, поддерживаем разговор из вежливости, невежливо же молчать, почтут за невежду, о чем? В пятисотый из вечеров? Но надо! В пятисотый из вечеров? Но надо!

Кстати, ждем на следующей неделе: нас разбавит любопытный персонаж, с достатком, но предпочла аэропорт, рюкзак, загар, улыбка, до тошноты искрящаяся, странно, как она живет? Представьте, ночевала в хостелах с десятком посторонних лиц, забавно, а чем она больна?

Летиссия

Девочки, девочки, б..., спасите, я не вынесу... Как это возможно? Ну как?

Алле... да, да, представляешь? Ну как? После всего, что пережито... Я не хочу, правда, всё, точка... Не могу, не могу больше... Сколь же терпеть? Нет, нет, нет... Заедь, нет, не надо, всё нормально, я справлюсь... Б..., но как?

Алло... И ты в курсе? Ну вы подруги... И что ты думаешь? Но как? Да, да, да... Хочу напиток, вези всё... Ненавижу. Горе.

Алле, даже не спрашиваю, представляешь? Да ладно, а ты? Невероятно. Да пошло всё, закучу, хочу напиток, да, да, да. Нет, сама сейчас ей наберу, приезжай. Слова в промокший смарт, растаял снаружи от соли экран, разжалобился. Слова, слова, всхлипы, эмоции, слова, слова. Преданный apple вещал, как скоростная автострада двухполосная со встречкою. Для успокоения и насыщения удовлетворенностью прожитого. Словно сон. Две лучшие и три дальние подружки выслушали, обменялись энергией, чуть оттаяла, разбавили сплетнями во всех онлайн обсуждаемые, отвлеклась, чуть расслабилась. Они лучшие, внимательные, серые, но к каждому слову с сочувствием. С хлопаньем в ладоши, гортанными звуками, милые, есть о чем. Как никто понимающий, взволнованна, успокоилась. Ближе к пятому звонку имея

сложившееся устойчивое мнение о произошедшем. Словно сон, исчезла тревога. Перелистывая смс, приходящие вдогонку от девочек, перезванивают, волнуются, пытаются улыбаться. Тише, тише, уже другая, уже успокоилась, пережила, улыбаюсь, холодная, но уверенная и трезвая, без лишних, найдено решение. Восхищаются, восхваляют, девочки, девочки, девочки милые.

Скрип тормозов, вой шин мотоцикла, приехали.

Притяжение бокалов

Повстречались среди вечера, вечеринки со звездами. Обменялись кивками по этикету для вежливости.

Как обычно, в гранатовом платье, выдержана, обласкана лучами солнца, из-за тысячи километров посетившая, и то по случаю.

Костюм на нем всегда по фигуре, сказывается сорокалетняя выдержка, профиль мужественный, решительный, среди дубовой строгости взращен, однолюб по сути происхождения, без лишнего, без примесей. Нет смысла в панибратстве с ним, позволит, но смысл? Столько отдано за наличие.

Первые часы начала всегда томные, кружат, кружат от фуршетного стола к следующему губы голодные, языки с рецепторами избалованные, пока без тумана зрачки, рано еще, тикают стрелочки. Отсчитывают до изменения картинок минуты последние. Лишь изредка израненный смех наигранный девичий несуразно выбьется из спокойно плескающихся волн шушуканий и изобилия. И снова убаюкивают, укачивают, злоупотребляя дорогими гостями, всё меньше ценя их вкусовые качества, чувствуется напряжением струн, озвучивающих звуки, растет напряжение, беззвучно требуя разжечь искорки игривости в зрачках, паутиной окутанных. Что-то громко озвучили, пригласили опустить бокалы и последовать за новыми впечатлениями. Поэтому со-

вершено не запланировано, совершенно случайно, хотя кто знает, так ли это. Оказались рядом до неприличного, и совершенно одни, неловко-то как. Заставили обратить на него особое внимание игра отражений баловства люстр хрустальных, лепестками лучей заигрывающих.

Вздых сам вырвался, жаль, очередной повеса. Подмигнул, ослепил, случайно, показалось? «Прекратите» – вместо слов вежливости! Так грубо и несвойственно, надумано лишнего, вот и выплескивается.

Оказалось много общего, итальянский темперамент и чувство юмора может успешно сочетаться с шотландской внешней строгостью. Казалось бы, 2011 – такая давность прошедшая, а рядом с ним, разменявшим четвертый десяток, ощущение проникает ветрености, легкости, свежести. Заточение, тысячи мыслей внутри, брожение. Элегантен, услужлив и не такой, как надумано. Надо же, так изменились содержание мечте: из желания впечатлить мгновенно обладательницу, одурманить шелковым туманом, подтолкнуть к новому сюжету и исчезнуть также за беззастенчиво, оставив след о себе на пару фраз после вечера. Так уже совсем не хочется. Хочется большего.

Он так умеет говорить, завораживает, о своем обладателе, его особенностях, словно знал его больше сотни лет, крепостью бравируя. Казалось, передает и мне дурман своей обаятельности волшебный, а цвета пленительные. Она должна познакомиться, уверяю, безусловно, захочет продлить от-

ношения. Просто обязаны их познакомить, ведь возможно, в этом наше и есть предназначение.

Извините, чуть повело, внутри расслабилось.

Обворожительная Меланья

Заглянул, словно стеснялся разорванных тряпок на плечах, испарявшейся несвежести, почесывая пятерней трехмесячный куст на овале. Напоминание образа стихийной кучи мусора рядом с зеленью внутри, с молочными истерзанными пакетами, обертками разного сгнившего, грязная бумага из-под, сломанный пластик, разбитое стекло, пяток уставших недозавтракавших мух над...

Расшаркивая развалившейся обувью в нерешительности и застенчиво улыбаясь редкими жутко-желтыми зубами, произнес: «Красотунечка моя, сегодня, счастье-то какое, а я, я, я так ждал». Стены салона – статусного салона – застыли в стыдливости от происходящего. Щебет ножниц и языков в мгновение срезали звуки. Немая сцена тишины и свернутых шей, взгляды на сверхъестественное, анархия мыслей у нескольких ответственных. Как поступить, чтобы вежливо прочь? Самое ранимое затишье, секунда жизни ей, не более, загомонили вновь лезвия для тоненьких усов, ухоженных щек со щетиной дневной. Закрутились шестеренки швейцарской невозмутимости, завели невидимки механизм: так и должно быть, ничего необычного, дела админа и девочки нашей. Воздух наполнился вежливостью, ласкающими фразами, гул внимательности, коралловых улыбок голов мужчин, остальное под мантией салона. Несмолкаемую том-

ностью комплиментов, с новой силой запахом дорого воска и изысканной пены, даже насыщенность подарка запахов от гостя не смогла внести хаос в строй.

«Присаживайтесь, давно не видно вас...» Защебетала, выводя затянувшуюся паузу из тупика. Сбросив верх с исхудавшего костлявого тела, стянув красно-черный шарф, простите, но издалека он именно так и выглядел. Зеркала, коварные служители разгадок. Четыре пары глаз, не отрываясь, следили за дивным персонажем, титановые зрачки, остальные четыре делали вид занятости беседой, их руки автоматически делали свое дело, слова неслись с привычной тональностью по обеим полосам движения, только глазницы и зеркала, остальное без изменений.

Мыть будем? А как же! Сложно было уловить, о чем он, не смолкая, увлеченно говорил, но, судя по тому, как она методично усаживала его на место, остужая выплескивающиеся эмоции, накопилось у гостя событий предостаточно. Убаюкивала, поглаживая по взъерошенным влажным, улыбалась, видимо, даже шутил. Надо же. Парень получил кабинет психотерапевта, приводя голову в порядок, для общества принятыми правилами. Ушел чуть раньше, не увидев завершения преобразования. Позабавило увиденное. Место, где грязный и оборванный за серебрянники получает вежливое выслушивание проблем его.

Слышал позже: среди постоянных ее клиентов – банкиры почему-то из Barclays, финансовые гении из разных мил-

лиардных частных признанных мировых, сынков избалованных и папаш, уже отошедших от дел рутины дней, знаменитостей с экранов, цвета необычные. Окуналась в волны красок с головой, использовали, приглашали на вечеринки с изысканными пошлостями, а потом, когда... Брошенная, ушел муж, и дети выросли, долги на плечах, любовники вежливо отвернулись, одна.

Рассказывали, не застал, к сожалению. В один из осенних невзрачных вечеров зашел плешивенький нотариус и принес завещание, оформленное на нее, от того самого, невзрачного, бывшего владельца замка в пригороде Парижа.

VIP

Девчонки, так рада вас видеть... Слышали? Вы слышали? Да, да, открылось. Открылось, точно! Гурман-бутик, да-да-да... Пару недель обкатывали только для своих... Нет, не там, прямо на углу раскинулось...

У-у-у-у-у, Лиза-а-а, что, что подают? Какие цены? С меню всё обычно, есть черная caviar, вдова Clisquot, пара салатов с зеленушечкой.

Маруся, поехали, разгонишь тоску. Мужчины, конечно, разные, но если поискать, не торопясь, то парочку можно присмотреть под настроение. Там креативным директором девочка-умничка, всё по ноткам подобрала, то, что надо, на любой вкус от вздыхателей поэтичных за бокалом вина. Без пошлости, на выбор ухаживания для наших бывших строками балуют Есенина, Асадова, Бродского. Бывает и такое. Ладно, не хотела, расскажу, девочки, подали за полночь оттенки молчаливые серого, это где-то внутри холод, а вслед мурашками под одеждой, раздевают молчаливыми комплиментами. Хотите? Есть разные, красноречиво горячие, изошренные и перспективные – все бросились туда. Один из крипты был, узнала, точно он.

А представляете, у нашей принцессы, не вру, контент из инсты, всё хорошо, довольно, только из ..., а через пару недель планируют повторно со своим в тур и шопинг по пол-

ной, и тоже там на днях заметила. Даже сразу не узнала. Льда принесите еще. Нет, молодцы, молодцы, конечно.

Летуся, закажем тебе шампусика, расслабишься чуть. Да, да, бывают вечера от 20, бывают вечера от 30, конечно же, вечера от 40. Битком набито заведение, и сложно место разыскать, а тем более на каблуках. Битком не значит, что я не проведу... Девочки, беру на себя.

Катюня проставляет, gold безлимит. Бронируем? В пятницу нет смысла, полетели в субботу, у своего отпрошусь, ближе к восьми заеду, но только не так, как всегда, потом не попадем.

Работают до пяти утра, затратно, но стоит того! А? Не выдержите столько, эффект качественных комплиментов, а еще и от нужных, ярче один за следующим приятным бризом. Девочки, очень, поверьте, очень эффектно. Не знаю, как они это делают, слышала краешком, за произнесенные подпаивают сорокалетними односолодовыми бесплатно. Да какая разница? Да-да-да... Просто огонь. Возвращалась в один из... По ощущениям, как после, помните? Месячного ветреного романа на островах, как дурочка искренне светилась улыбка на губках, мой даже заподозрил неладное.

Клэ, тебя где забрать? Блин, это же в четырех кварталах, ты своим ЗОЖем не перебарщиваешь? Да, видела, видела твою... Кто бы спорил!!! Если приносит дивиденды, еще влюблен? Расскажи, расскажи, что говорит? А-а-а-а, ха-а-

а-ах-х-х, когда-нибудь он откусит твои прелести.

Ну что, пусть считают? Бусь, бусь, бусь...

Необыкновенная

Такое раннее, сонное, нежное утро, пахнет пробуждающимися лучами солнца, свежескошенной салатовой травой, тянет поволокой сонного утра. Аромат дыни нарезанной в огромном прозрачном салатнике переплетается с сочными сахарными кусочками арбуза, приготовленными для после завтрака. Нечаянно оброненная посеребренная чайная ложка напоминает о сервированном домашнем лоснящемся твороге с порцией привезенной из деревушечной сметаны, бунит, одурманивая колдовство свежеприготовленного кофе, тянет к утреннему столу. Так не хочется выбираться из разнеженных пуховых подушечек, воздушного шелкового одеялка, летушко, +35. Завтрак. Ранний, ранний завтрак.

Хочу, хочу, хочу...

Ну извините, извините, извините за бестактность, пожалуйста...

Нет, сперва в душ. Душ, душ, душ... Бегом в душ, а может? Так хочется заглянуть на... В душ, в душ, в душ. Сброшены остатки ночные, не переключились мысли еще с картинок видений снов недавних. Снов, разных, парадокс, словно мокрой тряпкой стирающихся, ровно с тикающей каждой секундой испаряющихся. Еще, кажется, только вот-вот всё помнилось, ярко, насыщенно, мгновение – и слизано. Только скудные отрывки, легкий запах фрагментов, пережитых

во снах, витает остатками пепельными. Странно, необыкновенно, но ладно... Струи прохладные, с запахом свежести, так ласково массируют кончиками сонную спину. Волосы, мыть или не мыть? Поздно, добрались и до, проникая к коже, успокаивают, нашептывают, словно снова ко сну, привораживают, тише, тише, друзья мои. Чуть попрохладнее включим вас, чуть жестче, какие же вы послушные, можно и погрузиться в вас, не выныривая из струящегося водопада объятий бесконечных. Переключаете внутри всё на новый лад, на новые мотивы настроения. Околдовали, сколько же времени я тут? Ах, вы, бесстыдные соблазнительи... Пальцы непроизвольно соприкасаются, удерживают о грубую пещерную отделку, касаются. Мурашки, фантазии... Всё внутри просится, еще...

Хочу, хочу, хочу...

Ну извините, извините, извините за бестактность, пожалуйста...

Полотенце мохнатое обволокло, впитала остатки частичек влажных, слизало остатки, спрятавшиеся в укромных уголках. Бегом, бегом, бегом... Глоточек свежего воздуха и завтракать, завтракать. Выглянула на террасу, со всех сторон открытую для лепестков ветерка сонного. Вдох, еще вдох, опьяняет свежесть, проникая в легкие, чуть пошатываясь, позволив еще пару шагов ступнями мокрыми, ощущая пятками тепло белоснежного мрамора. Ветер – хулиган загулявший, нежно голову поглаживает, волны океана волшеб-

ные музицируют, не торопясь, плещутся, заигрывают с песчинками пляжа, о своем разговаривают. Невероятно, так хочется разобрать, о чем же они милуются, о чем можно шептать ежеминутно столетиями и не надоест друг другу, невероятные. Расскажите и мне, очень, очень...

Хочу, хочу, хочу...

Ну извините, извините, извините за бестактность, пожалуйста...

Кандидат, не оплошай

Стоя на полке большого детского магазина среди тысячи таких же пластмассовых, родных по составу, но чужих по созданной конкуренции тысячей детских глаз.

Выберите меня, меня, меня, пожалуйста.

«Кудряшки с фабрики, обновленная модель, умеет говорить и использовать пять языков, руки – облегченная версия, ноу-хау в полимерной отрасли, максимально приближен эффект касаний кончиками, подушечками пальцев, попробуйте, почувствуете?» Не смолкая, ласкала слух продавец с коралловой улыбкой и чрезмерной одетой на голое тело, платье, вежливостью.

Мама, купи, купи, пожалуйста.

Забери, забери меня отсюда, пожалуйста.

«Подскажите, а как давно такая модель продается? Что умеет? Кто себе такую купил?» Вопросы, десятки вопросов, не требующие вдумчивых ответов, перемешанные вкрапленными эмоциями, именами, эталонами, всё, как учат в школе NLP, чуть мягче, меняя тональность голоса от ласкового шепота до ледяных ноток, пора, пора, вам дышат в затылок, определяйтесь, спринт минут борьбы сторонами килограммами вежливости и настойчивости с щепоткой нерешительности – так дорого. А параллельно рядом, совсем рядом, обмен влюбленными взглядами ее пластмассовой и ее жи-

вой маленькой с косичками и в новом платье, с влажными: а вдруг не купят.

Мама, купи, купи, пожалуйста.

Забери, заберите меня отсюда, пожалуйста.

Так надоело, так устала, так плохо. Сотни чужих руки лапают, поднимают платье, вертят, грубо присматриваются, оценивают, ранее более нежная часть поверхности погрубеела, очерствела, а начинают же... Доверяюсь. Пусть пластмассовая, но ведь девочка, и платьице у меня посмотрите, посмотрите, с блесточками. Так приятно, но потом снова, снова бросают с размаху на полку. И ведь для них старалась, распускала свои локоны, играла ресничками, надоело, хватит, останусь тут среди подруг пластмассовых.

Забери, заберите меня отсюда, пожалуйста.

Тихо, тихо шепотом, чтобы не перегнуть: «Мама, купи, купи, пожалуйста».

По глазам вижу: будет заботиться, буду любимой, будет расчесывать, кормить, одевать, выделять среди других смешных, более дешевых, спать уложит рядом, будет, будет, хочу, хочу, хочу быть любимой.

Девочка, пусть ты, маленькая, милая, забери, забери меня отсюда, пожалуйста.

Чердак пятиэтажки

Забралась, пыльно, непривычно, душно на чердаке. Еще постараться надо было пробраться, найти, перебрать сотни разных ключей для одинокого ржавого амбарного, но и это пройдено. Дверца, так и норовящая захлопнуться, со всей дури обрушится на голову, охраняет, старушечка. Подумать только, сколько слёз пролито, слов выслушано, мур-р-рчаний нашептано, получилось, получилось, получилось, добралась до нее, тише, не сейчас. Сейчас вперед, еще передумает собственник, начинай потом сначала, не выдержи. А лестница, лестница будто вступила с ним в сговор, пыльная, деревянная, ненадежная, не доверяла, подчиняясь моим осторожным ступням. Преданная, но не мне пока, расшатывала, пугая, надеялась, что передумаю. Знала бы, знает, через и как заполучила злополучный медный от стражи заветной. Не остановишь, подруга, бессмысленны попытки твои. Он разрешил, он отдал безоговорочно, подчиняйся и ты, он твой и мой хозяин. Как же здесь душно, свет проникает тоненький, чахленький, как же здесь хранится прошлое? Рука коснулась скользкого, еле сдержала вопль из гортани ужаса. Надо же, сразу на поверхности воспоминания прошлого, расставания минувшие, бархатной материей прикрыт альбом с картинками нежными, но со временем покрывшись сверху плесенью. Захватчу с собой, на све-

ту за бокалом рассмотрю, не торопясь, волнительно. А тут что? Шкаф дубовый старинный, забит до отказа, не предупредил о его наличии. Склонилась, так захотелось заглянуть в щелочку, обдало запахом плесени, вспугнула голубей, притаившихся на шкафу, больше меня испугавшие внезапностью крыльев движения резкого. Плодятся, беззаботные. Детство, тут, видимо, хранятся воспоминания детские, даже сквозь толщу повеяло теплом, счастьем, улыбнулось внутри, удивительно, на мгновение отключилась картинка окружающей серости. Забарабанил град по шиферу, снова за работу принялся, не мог подождать, пока я отсюда выберусь, эгоист. Шкаф приятен, но позже. Тянет туда, к тем сундукам, к тем, тем, ага, добралась в угол, среди подгнивших балок запрятанные, еще и ветошью заброшены. Хочу, хочу, хочу... Чем же сбросить? И кислорода еще на пару минут... Паникует головушка, не ожидала окунуться в такое... Кончики пальцев не выдержат, передавая ощущения, надо же... Приглашу сюда домработницу, пусть пропылесосит, приберется, отмоет окна мрачные, а ее мужик-электрик заодно подведет и дополнительное освещение, никуда не денется. Всё, девочка, застрянешь. Пора, пора, выныривать из его чердака воспоминаний, мог и прибраться прежде, чем ключи доверил. Совсем не заботится.

Женится?

Объясни, объясни, не понимаю. Ну что ты молчишь? Думаешь меня кто-то учил? А теперь и подавно, понимаешь? А не расскажешь. Кто научит?

Устала лисой, хочу спокойно, расправив плечи, понимаешь? Кто?

Родители? Папа был влюблен в меня и повторял, что я принцесса, любимая самая, самая очаровательная принцесса, носил на руках нежно, забавно, крепко, так, как хотела только я, надежно. Научил меня сладостям, мечтать о звездных мальчишках, покупая мне желания, выросла. Не научил реальности в замках.

Мама чуть ревновала, видела, но любит меня, чувствовала. Нашла во мне подруженьку, младшенькую, с кем можно, сейчас понимаю, послушать можно было от меня всякого, яркого, разного, детского, искреннего, эмоционального, ею забытого. Поглаживая непричесанные, вежливо, но пролив свои сотни, и наученная обходить рифы скрытые, словно мур-р-рлыкая, нашептывала, успокаивала, пока помогали ее лекарства звуками и объятиями, но выросла, взрослая. Не научила, что делать с разбитыми тарелками и бокалами, когда вою, когда больно, когда за мгновение из родных в чужие. Сейчас понимаю, чуть разбаловали. Хочу так же чувствовать себя в домике, хочу снова принцессой с новым пла-

тьцем, плакать в объятиях родных от глупостей надуманных, навывдумывали всякого, просто девочка.

Кто научит? Слова первых влюбленных? Самих еще не оперившихся, желторотых, но гордых и таких громких, красноречивых, веселых, бывали всякие. Среди них и гордые, одинокие, непонятые и непостижимые, дорогие спортивные, накопила и взрослых с опытом, свернутых, а потом заметила: у каждого своя история. Своя игра с правилами, с верхушкой озвученные, но такие сложные под гладью океана, что не разобраться и не запомнить всё сразу, сложно. А главное, меня меняют в совокупности, учат другим, своим правилам. Как им объяснить? Притворяюсь, зеркалю, пока интересно, но в итоге зачем?

Моим учили комфортным, праздничным, с обнимашками и желаниями. А с большего не понимаю их тарабарщину, любят говорить, не отнять у них этого, так ведь я и понимала их эмоции. Кивала в такт, нравилось. Словно сговорившись, спустя конфетный, захотели понимания большего, оказывается, мало понимания настроения, совсем мало, оказывается.

Кто их научил? Слова, без слов. Вспомнила. Кто-то, любя, кричал до слёз, до сломанной сигареты, до дрожи кончика мизинца, кто-то по-английски, другие сами давали повод прочь, но все, настолько разные, настаивали понять их язык.

Кто обучает языку мужчин? Загуглила, дефицит предложений. Обмолвилась однажды подружка давняя дальняя:

«Попробуй познакомиться с матерью его, если поверит, расскажет на понятном тебе языке, о его шестеренках, кнопках, возможностью быть надолго рядом». Долго, непривычно, слишком сложно. Как теперь вживить в меня чужую капсулу, полезную для принятых правил? Не научиться мне, скорее, некому с терпением, уже независима, не хочу быть, если не диктую собственные правила. Займусь телесной внешней красотой, а внутренней из найденного сосуда вычерпаю.

«Алло, мам-м-м-м? Ты как? Соскучилась, заеду». «Да, пап-п-п, ты в стране? Ух какой. Захотелось тебя увидеть, вечером можно? Конечно, что тебе купить?»

Напитаюсь. Ничего. Особенная. Жду особенного, может не в этой, сниму границы, попробую еще, если уже рядом такие находят, то я-то точно.

Повторяла, повторяла, повторяла себе, заклинала, стонала, улыбаясь, жду.

«Алло, да, как? Женится?»

Дистанционно поцелуй

Скука, с..а!

А тебя?

И меня!

А если плохо?

Скучаешь по черточкам с чертиками.

Но могло бы быть?

Сомневаюсь. Не изменится.

Тебя может отчаянно тянуть, на станцию вокзала, где были оставлены вещи, но ведь там давно уже сменились декорации, даже расписание. Электрички ходят совсем по-другому, а некоторые всё так же жестко и без опозданий. А ты так любишь опаздывать, чуть задерживаться в своей дремоте, совсем на небольшой часик, и так не хочется, и не будешь менять такое удовольствие, уметь опаздывать навсегда. Хочу, хочу, хочу, а можно? Затеряться среди сутолоки прошлых воспоминаний на убранном перроне.

Можно!

Хочу, хочу, хочу, также вспомнила ласковое, как так было раньше! Хорошо! Не торопись. Понимаешь, есть такая риска в тебе, не могу забыть, тревожит голову беспокойную. Нашла, нашла разное, счастлива, но днем. Ночью иногда, так часто не могу заснуть, успокаиваю себя, гоняю свои электрички бесцельно, дура.

Знаю.

Остановилась переговорить молча с твоими жителями, прибившимися вокруг, нашедшими свой комфорт, возможно скудный, и так и не изменившими себе, не вышедшими из роли... Не спасает. Пошло? Конечно, хочу, хочу насытиться, хочу. Так же пахнут лепестки тут, кислород проникает, свеж, только после дождя, пончики с мясом, толстячки соблазняют, по привычке беспардонно, но со своим обаянием, бесподобно, пытаются залезть под ветреную юбку, но уже не хочется.

Уже так не хочется, пройдено. Всё, уже назад не хочется, если только сюжетом на пару минут, для беседы секундной, стонов пятиминутных, поцелуев на минуты соскучившихся, а в целом оставь себе, спасибо, дольше нет, дольше не надо, пройдено.

Поймал.

Взгляд хищный. Брошенный на смятую, нечаянно выдала, прости.

Оставь себе фальшивую вежливость, до скорого.

Словно давно, недавно было славно, трепещет огонек на угольках, а если бы попробовали, ведь знаем досконально запахи. Их не изменить, притягательны. Созданы для любования очарованием.

Номера не меняешь? Отлично, цифры осели глубоко в памяти.

Обними меня, хочу оставить на себе чуточку тебя, позво-

лишь отнять энергии, просто для кислорода?

Foot champion

Утро, совсем темно за окном, устала, внутри больше литра градусов разных, сладенько потрескивает внутренний компьютер, искрит, волнуется от невозможности соблюдать правила, тянет на рвоту. Champion взорвал энергией своей. Минуту. Соберись. Вертолет прочь. Устала, глаза совсем выключаются, сложно приподнять ресницы. Закрыла, присела, руки сами нащупали металлический контейнер с жидкостью. Неприятная процедура, шепчет швейцарское «надо», чуть надавив на глазные, раздается щелчок и сами выкатываются. Отдыхайте, отдыхайте, от вас мне завтра потребуется 100% единица. С темной пустотой и проще, и сложнее, руки помнят, ноги на автомате обходят, осторожничают, но теперь не надо точности.

Матрас выдохнул, прикоснувшись с округлостями, сегодня особенный на них улов, даже странно, насколько непредсказуемы противоположные особи. Еще пару недель на пати не сводили серых, голубых, зеленых прицелов своих. Ловили, отстраивали капканы за пределами дверей, выжидали в засаде у бара, шла прямая бескомпромиссная охота на их желания, безжалостно проникали, мой интерес цепляя, от обуви до брелоков с конями, полное нездоровое отсутствие спроса на топ созданное. Глаза, глаза после апгрейда, удачно выбранная дорогая приманка с поволокой над кри-

сталликами. Но что изменилось? Места те же! Возможно, мировой чемпионат! Кардинально поменялись ценности тела выставленного, другое привлекает, цепляет их внимание. Не жалею, что не пожалела на лучшие булочки. С ними будет сложнее сегодня, помяты чуть от внимания, от кончиков пальцев, сжатий руками, созданными из вен во вперемешку с артериями, до жалящих шлепков бесстыдных, но создающих спрос! Перелистываю улов, ушлый совладелец, сам сео, пара наглых топов, музыкант расстроенный, десяток непонятных блогеров, заводной пьяница, неплохо, завтра к вечеру на восстановленную пересмотрю, устала. Заснула бы и так, без неприятных... Но непозволительно, могут окислиться, или черт знает, как там это называется, дисциплина, надо, устала. Руки сильные, бархатистые нащупали сенсорные внутри пышностей, разблокировали, считался подушечек рисунок. Звук космический, сумасшедшие профи, работает без сбоев, сняла ракушки прелестей внешних, всё привычно, всё на автомате, привычно! Устала! Сбросила у кровати на персидский ворс, надо бы в чехол, нет сил, устала! Как же, как же я хочу спать! Еще любимые молочные, также не забыть с голой черепной накладку снять, не повредив роскошную лошадиную гривку, гордость мою, устала. А-а-а-а-а, вспомнила, еще и карту выковырять с зашкаливающим айкью, на эту ночь приобретенную! Всё, устала! На ноги, губы, нос, стержень для осанки сил не хватит, пусть будет, что будет, заржавеет, окислится, застынет, дает сбой, потрески-

вает, устала. Проснусь, вызову вечером сервис, пусть чистят и ковыряются, снимают сами, отработывают гарантию, страховку вложенную, пусть отработывают. Скажу: «За работу, милый Чарльз, титановые мальчики, такие вы заботливые!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.